

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРАВЯЩЕМ ЛАГЕРЕ РОССИИ ПО ВОПРОСУ ОБ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛАХ В ГОДЫ ПЕРВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА

В истории русского капитализма десятилетие 1888—1898 гг. В. И. Ленин определил как «период особой горячки».¹ Наивысшей напряженности ускоренное движение этих лет достигло в середине и конце 90-х годов.

В короткий срок капиталистическое развитие страны шагнуло далеко вперед. Отличительной особенностью бурного промышленного подъема 90-х годов было то, что он питался в значительной мере иностранными капиталами. Отдельные струйки и ручейки, которыми они прежде проникали в Россию, слились в 1894—1895 гг. в один поток, хлынувший в страну сотнями миллионов рублей. Существуют различные оценки величины помещенных в России капиталов. М. Верстрат, в начале своей деятельности французский консул, а впоследствии один из директоров Русско-Азиатского банка, на основании детального изучения отчетов и балансов приводит цифру в 2.075 млрд фр., или 778 млн р.² По расчетам П. В. Оля, сумма иностранных капиталов, вложенных в промышленность, исчислялась на 1 января 1901 г. в 911 млн р.³

---

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3, стр. 429.

² M. Verstraete. Les capitaux étrangers engagés en Russie dans les sociétés industrielles. Congrès international des Valeurs mobilières. Paris, 1900, Цит. по кн.: Л. Воронов. Иностранные капиталы в России. М., 1901, стр. 44.

³ П. В. Оля. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925, стр. 15. В своей работе «Русские коммерческие банки» И. Ф. Гиндин отметил несовершенство использовавшихся Олем методов подсчета, признав, однако, что для периода 1827—1908 гг. полученные результаты выглядят вполне правдоподобно. См.: И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки Госфиниздат, 1948, стр. 398.

К этому времени почти половина всех акционерных капиталов была иностранного происхождения.⁴

Отмечая летом 1896 г. факт вторжения в Россию иностранного капитала, В. И. Ленин глубоко вскрыл и сформулировал причины этого явления. «В последнее время, — писал Ленин, — иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши. Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию».⁵

Преобразование России в данницу международного капитала было неизбежным следствием финансовой политики Витте. Говоря о сущности экономической политики «гг. Витте, Коковцева и компании», Ленин писал: «Они хозяйничают вечно в убыток. Они вывертываются только входя глубже и глубже в долги».⁶ Вполне обдуманной курс на максимально широкое привлечение иностранных капиталов был одной из форм этой разорительной для страны деятельности. Хищнический характер строительства промышленности за счет иностранных капиталовложений демонстрируется тем, что за двадцать лет (1891—1910 гг.) по этим капиталовложениям было уплачено без всякого эквивалента около 2760 млн р.⁷

В конце 90-х годов притчей во языцех стал пример основанного бельгийцем Кокерилем Южно-русского днепровского завода, извлечшего за 7 лет, с 1890 по 1896 г., 127% прибыли на вложенный капитал. Конечно, не все иностранные предприятия приносили такие феноменальные доходы. В целом, согласно подсчетам П. В. Оля, получаемая за границей прибыль колебалась в 1894—1900 гг. между 4.8 и 8.9%, давая в среднем 7%.⁸

Но этим далеко еще не исчерпывался весь вред, причинявшийся России иностранным капиталом. Истоющая ее народно-хозяйственный организм, он, кроме того, осваивал лишь наибо-

⁴ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1952, стр. 154.

⁵ В. И. Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Сочинения, т. 2, стр. 93.

⁶ В. И. Ленин. Европейский капитал и самодержавие. Сочинения, т. 8, стр. 240—241.

⁷ С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. 1928, стр. 195.

⁸ П. В. Оля, ук. соч., стр. 26.

лее доступные районы разработок и «сознательно задерживал развитие других районов».⁹ Он отвлекал от производительного использования накопления, образованные в народном хозяйстве страны, и тем самым препятствовал общему росту ее производительных сил.

Наконец, подпадение решающих отраслей экономики под господство иностранного капитала влекло за собой тяжелые политические последствия. Широкое привлечение иностранных капиталов и в еще большей степени заключавшиеся царизмом внешние займы неуклонно продвигали Россию по пути превращения в полуколонию империалистических государств Запада.

И если иностранные капиталы ускоряли развитие капитализма в России, то это означает, что оно происходило в форме, губительной для страны и наиболее мучительной для широких народных масс, подвергавшихся двойной эксплуатации как русских, так и иностранных капиталистов.

А при незавершенности в России буржуазных преобразований, при опутанности всего ее политического и хозяйственного строя живучими и цепкими остатками крепостничества, ускоренное вызревание капитализма новейшей формации, вызываемое приливом средств из-за границы, усиливало диспропорции в хозяйстве страны, обостряло противоречия между различными классами и группировками.

Дворяне-помещики, всеми силами стремившиеся обратить историческое развитие вспять, видя в этом единственную гарантию сохранения своего господства, могли отнестись только враждебно к укреплению капиталистического уклада, который нес с собой приток иностранных капиталов. В целом наплыв в Россию иностранных капиталов и связанное с этим углубление в стране капиталистических отношений соответствовало наиболее общим интересам другого эксплуататорского класса — русской буржуазии. Однако частные интересы отдельных ее прослоек отнюдь не гармонировали между собой. Противоречия в среде самой буржуазии с развитием монополистического капитализма особенно обостряются. Подвергая безудержной эксплуатации рабочий класс, монополистический капитал вместе с тем вытесняет и эксплуатирует мелкую буржуазию, а также собирает дань со значительных слоев средней и крупной. Эта часть буржуазии становится поэтому в оппозицию к монополиям. Связь между развитием монополий и притоком иностранных капиталов позволяла известным кругам немонополистической буржуазии совмещать борьбу против монополий с борьбой против иностранного капитала.

⁹ П. И. Лященко, ук. соч., стр. 223.

Однако следует отметить, что главной причиной выступления против иностранного капитала некоторых группировок крупной буржуазии было опасение конкуренции с его стороны с последующим понижением тех баснословных прибылей, которые доставались крупной немонополистической буржуазии на основе действовавшего с 1891 г. запретительного тарифа. Ее образ действий определяло прежде всего желание не допустить иностранной конкуренции ни в форме товаров, привозимых из-за границы, ни в форме товаров, вырабатываемых внутри страны иностранными фабриками. Мелкая и частично средняя буржуазия, притесняемая монополистическим капиталом, страдала от защищавшегося крупной буржуазией крайнего протекционизма, служившего в условиях России, как указывал Ленин, «интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов».¹⁰ Занимая это промежуточное положение, мелкая буржуазия и некоторые группы средней не способны на проведение последовательной самостоятельной политики в отношении иностранных капиталов. Они находятся в состоянии колебаний и нерешительности.

Специфика и глубина затронутых интересов как буржуазии, так и дворян-помещиков, их своекорыстие нашли отражение в яростной полемике, развернувшейся вокруг притока иностранных капиталов в офицозной буржуазной и помещичьей печати. И поскольку эта полемика ярко отразила обострившиеся с наступлением империалистической эпохи противоречия между господствующими классами России и различными группами внутри этих классов, содействуя таким образом пониманию классовой расстановки сил в стране, она заслуживает изучения.

Позиции дворянства в вопросе иностранных капиталов обозначились наиболее явственно при организации в начале 1897 г. «Омниума». На это событие отозвались «Московские ведомости», «Новое время» и «Санкт-Петербургские ведомости». Тон появившихся в этих газетах статей и откликов определяла жалоба «Московских ведомостей» на то, что «для постройки железных дорог в Китае у нас есть деньги, а вот тут, у себя под носом, богатейшие лакомые куски урывают иностранцы, а мы и пальцем не двинем».¹¹

Взятое помещичьими изданиями направление особенно отчетливо проявилось в начавшем выходить с января 1897 г. журнале «Русский труд». В. И. Ленин в своей работе «Перлы народнического прожектерства»¹² со всей полнотой раскрыл реакционность

¹⁰ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Сочинения, т. 1, стр. 416.

¹¹ Развитие южно-русской горной промышленности. Московские ведомости, 1897, № 90, 1 апреля, стр. 2.

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 427—457.

издателя журнала С. Шарапова. Это был представитель такого типа помещика, который и в новых условиях стремился хозяйствовать методами крепостнической эпохи, что, впрочем, не мешало ему считать себя поборником «народного блага». Как некий утраченный идеал превозносил Шарапов дореформенную Россию, которая якобы благоденствовала в противоположность пореформенной, и была, писал он, «Русью цельною и сытою, и могла ждать сколько угодно, не опасаясь за свою судьбу».¹³ Вместе со своими ближайшими единомышленниками, среди которых выделались со временем П. В. Оль, Г. Бутми де Кацман и Лев Рафалович, он с первого же номера открыл шумную кампанию против иностранных капиталов, которая проводилась параллельно с борьбой против денежной реформы Витте. Ей он противопоставлял план введения в России так называемого бумажного рубля, что было равнозначно, при данных Шараповым разъяснениях, безудержной инфляции. Идеология и деятельность журнала целиком соответствовали интересам помещиков, рассчитывавших поправить свои дела как путем расплаты с долгами обесцененными деньгами, так и путем обогащения за счет массового разорения крестьянства на инфляционном экспорте продуктов сельского хозяйства.

Не удивительно, что, излагая в мае 1898 г. свои взгляды на Орловском съезде сельских хозяев, объединявшем дворян Орловской, Тульской, Калужской, Курской, Воронежской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской и Черниговской губерний, Шарапов, Оль и Бутми встретили восторженный прием.¹⁴

Свою реакционную программу Шарапов и прочие участники «Русского труда» прикрывали крикливой защитой русского народа от эксплуатации его иностранцами, хотя во всем журнале нельзя было найти ни слова упрека в адрес не менее беспощадных «отечественных» эксплуататоров.

Настоящие мотивы кампании помещичьей печати против иностранных капиталов откровеннее всего были раскрыты «Московскими ведомостями». Газета выдавала истинную причину своей враждебности к иностранным капиталам, когда писала, что беспрепятственное привлечение их в Россию должно будет «форсированно превратить ее в исключительно промышленное государство», что, поясняла она, «может радовать у нас одних лишь мечтателей, стремящихся к дальнейшей „социализации“ капиталистической России».¹⁵

¹³ Русский труд, 1898, № 24, 13 июня, стр. 2.

¹⁴ Орловское губернское земство. Труды Орловского областного съезда сельских хозяев 10—20 мая 1898 г. Орёл, 1898, стр. 80, 100—112.

¹⁵ Московские ведомости, 1899, № 24, 24 января, стр. 1.

Иностранные капиталы отвергались наиболее реакционным дворянством не столько потому, что они были иностранными, сколько потому, что они форсированно ускоряли движение России по капиталистическому пути. Они только усугубляли процесс, нежелательный для дворянства в самой своей основе, — утверждение в стране капиталистического строя с оттеснением помещиков на второе место.

Наряду с дворянами-помещиками одним из ранних противников иностранных капиталов выступили уральские промышленники.

Еще в 1896 г. через авторитетнейшего своего представителя А. Матвеева они засвидетельствовали свою вражду к иностранным капиталам. В 1896—1897 гг. на страницах «Вестника финансов» появляется написанная Матвеевым серия очерков о металлургической промышленности Юга, участие в которой русских капиталистов он оценивал максимум в 5%.¹⁶

Под покровом внешней объективности и деловитого разбора деятельности нового металлургического центра в очерках проглядывает враждебность к новоявленному конкуренту. Не высказываясь прямо против привлечения иностранных капиталов, Матвеев призывал «подумать о том, окупятся ли когда-нибудь те затраты, которые делаются в поощрение возникновения южных предприятий».¹⁷

Движимый одним лишь опасением лишиться «лакомых кусков», он, однако, маскирует подлинную причину враждебности к иностранным хозяевам южно-русской металлургической промышленности обличениями их в бессердечном обращении с рабочими.

Этим же своекорыстием и фарисейством отличалась также аргументация сторонников привлечения в русскую промышленность иностранного капитала. Его хищническую эксплуатацию природных богатств России они старались представить как акт прогресса, как стимул для наискорейшего развития ее производительных сил. Созданию и распространению этого мифа много посодействовали официальные круги. Обширная работа Б. Ф. Брандта об иностранных капиталах, представлявшая собой их развернутую апологию, была явно инспирирована Министерством финансов. Первый том ее вышел из печати весной 1898 г. В нем Брандт старался доказать, что экспорт капитала в слабо развитые страны безусловно для них благодетелен. Метод доказательства состоял по необходимости в самом вольном обращении с фактами. Брандт, например, писал, будто «не может быть и

¹⁶ Очерки южно-русской металлургической промышленности. Вестник финансов, 1896, № 22, 2 июня, стр. 772.

¹⁷ Там же, 1896, № 27, 7 июля, стр. 12.

речи о какой бы то ни было монополии» обосновавшегося в чужой стране иностранного капитала. К числу вымыслов следует отнести также открытое им свойство производимых за границей капиталовложений оказывать «благотворное влияние на рабочую плату и вообще на улучшение быта рабочего класса».¹⁸

Этим же способом разделялся Брандт и с проблемой экономической эксплуатации страны иностранным капиталом, обращавшейся под его пером в свою прямую противоположность.

Последнее, что брался доказать Брандт, была полная безопасность иностранных капиталов для политической независимости избранной ими страны. Опасения на этот счет объявлялись им лишенными «всякого основания по отношению к странам, достигшим известной политической силы и имеющим прочные устои национальной жизни и управляющимся твердой государственной властью».¹⁹

Выводы книги образовывали в своей совокупности целостную теорию, успокоительную во всех своих элементах. Действительное положение вещей искажалось при этом настолько бесцеремонно, что даже в части тех кругов, которые одобрительно относились к притоку иностранных капиталов, сочинение Брандта встретило довольно сдержанный прием. В напечатанной «Русским экономическим обозрением» рецензии И. Озерова говорилось, что книга «является иногда не более, чем покушением со слабыми средствами».²⁰ Озеров был вполне согласен с Брандтом в его выводах, но самые выводы не считал обоснованными, указывая, что книга «страдает априорными заключениями» и что «автор более предполагает, чем доказывает».²¹

В качестве примера, подтверждающего эти критические замечания, приводилось рассуждение Брандта о повышательном влиянии заработной платы иностранных рабочих на заработки русских рабочих, оценивавшееся как свидетельство того, что «автор... в слишком розовом свете смотрит на этот процесс».²²

По смыслу рецензии этот упрек касался не частного случая, а самого метода рассмотрения проблем, связанных с проникновением в страну иностранного капитала.

Зато аргументация Брандта была с готовностью подхвачена монополистическими сферами. К. А. Скальковский, сменивший пост директора Горного департамента на различные, хорошо обеспеченные места в чисто иностранных и смешанных компа-

¹⁸ Б. Ф. Брандт. Иностраные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны, т. I. 1898, стр. 304.

¹⁹ Там же.

²⁰ Русское экономическое обозрение, 1898, № 5, стр. 164.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 167.

ниях, сам о себе говоривший: «Я довольно близко стоял и стою к промышленным кругам, помещающим свои капиталы в России»,²³ почти слово в слово пересказывал рассуждения Брандта о том, как благодетельна для страны эксплуатация иностранным капиталом.²⁴

Во вторую половину 1898 г. к монополистическим кругам примкнула либеральная печать. Вторжение в Россию иностранных капиталов рассматривалось ею как победа прогресса. В этом смысле характерна статья об иностранных капиталах либерального экономиста академика И. И. Янжула. Он пытался доказать в ней, будто эксплуатация России иностранными капиталами соответствует интересам подавляющего большинства народа и прежде всего рабочего класса, что «участие иностранцев вообще в промышленности крайне благотворно и желательно».²⁵ Он был озабочен тем, как бы не сыграть в отношении заграничных дельцов роль, как он выразился, «собаки на сене». Выступая от имени тех кругов русской буржуазии, которые добивались отмены или хотя бы смягчения протекционизма, он выбрал в качестве союзника для борьбы с его защитниками иностранный капитал. В этом выборе отразилась коренная особенность русской буржуазии, заключавшаяся в том, что она была бессильна сломить стеснявшие развитие производительных сил оковы без помощи иностранного капитала, без ущерба для независимости страны. Буржуазный прогресс в России оказывался неотделимым от утраты ею политической самостоятельности.

Этот важнейший факт был просмотрен легальными марксистами. Обнаруживая свою буржуазную природу, они полностью присоединились к той постановке вопроса, которую дал либерал Янжул. Повторив в «Начале» его доводы, Петр Струве позаимствовал и его резюме, заявив, что «приток иностранных капиталов в нашу страну, безусловно, желателен».²⁶

Из сопоставления позиций как решительных противников, так и решительных сторонников допуска в Россию иностранного капитала вытекает заключение, что и те и другие были одинаково враждебны действительным интересам страны. Одни, прикрываясь флагом сохранения независимости страны, тащили Россию назад. Их соперники, на словах отстаивая прогресс и развитие производительных сил, были готовы за бесценок распродать ее богатства и низвести ее на положение полуколонии. Субъективные намерения таких искренних сторонников прогресса,

²³ Новое время, 1898, № 8147, 1 ноября, стр. 3.

²⁴ Там же, № 7998, 5 июня, стр. 1.

²⁵ И. И. Янжул. Ни себе, ни другим. Русь, 1898, № 169, 13 декабря, стр. 1.

²⁶ П. С. Внутреннее обозрение. Начало, 1899, № 3, стр. 232—233.

конечно, в исключительно буржуазной его форме, как И. И. Янжул, его субъективное отличие от такого прожженного дельца, как Скальковский, ничего здесь не меняют. По своему объективному значению его позиция целиком совпадала с программой монополистических кругов, выполнение которой делало иностранный капитал господствующей силой в русской промышленности.

Но, кроме этих прямо и открыто антинародных в своей сущности направлений, в полемике вокруг иностранных капиталов выявилось еще одно, в основе своей мелкобуржуазное направление, пытавшееся уместиться где-то посредине между двумя первыми. Наименее четкое и оформившееся, с изменчивым составом, оно было выражено в разное время журналами «Неделя», «Русское богатство», и спорадическими выступлениями других изданий. Характерным представляется извилистый путь, проделанный «Неделей».

В середине 90-х годов это был орган вырождающегося ультрабуржуазного народничества. Прогрессировавшее разложение последнего сказывалось в том, что политическая физиономия журнала становилась все неопределеннее. Одним из главных сотрудников «Недели» сделался М. О. Меньшиков, никакого отношения к народничеству не имевший. В целом журнал давал выход настроениям мелкой буржуазии, но не деревенской, а городской, и обуржуазивающейся интеллигенции.

Констатируя в феврале 1896 г. появление в России «новых варягов», «Неделя» не видела в этом беды. По ее мнению, пришельцы были опасны главным образом «нашим фабрикантам и заводчикам»,²⁷ отсиживающимся за высокими таможенными пошлинами. «Ведь придется, пожалуй, отбросив вековую лень, действительно серьезно взяться за работу — или уступить Россию новым незванным варягам, которые наше „обилие“ приведут, наконец, „в порядок“»,²⁸ — обрисовывал журнал возникшую альтернативу, по-видимому, не слишком беспокоясь по поводу того, в какую сторону пойдет развитие.

Спустя ровно год, в позиции «Недели» наступает резкая перемена. Теперь она забила тревогу по поводу грозящего России «золотого нашествия» — этой новой формы *Drang nach Osten*. В присланной из Брюсселя корреспонденции натиск на Россию ее мирных завоевателей изображался в таких красках: «Навстречу бельгийскому золоту идет русская нищета, готовая продать себя вместе с землей и водами, лесами и земельными недрами. На днях мне от одного почтенного бельгийца пришлось услышать знаменательный вопрос: *Toute la Russie est à vendre, n'est ce*

²⁷ Новые варяги. Неделя, 1896, № 8, 25 февраля, стр. 263.

²⁸ Там же.

pas?»²⁹ Отметив закономерность заданного вопроса и указав что дело продажи природных богатств поставлено капитально с участием высокопоставленных лиц и крупных русских банков, автор во всем этом видел наступление «новой эры для России», когда «все наши природные богатства, лежащие до сих пор втуне, будут разрабатываться, промышленное развитие подвинется гигантскими шагами вперед, города будут приведены в культурный вид и порядок... и все это на бельгийские и французские деньги».³⁰

В другой корреспонденции, присланной из Екатеринослава, ставшего центром иностранного предпринимательства в России, вся новая жизнь города рисовалась «страшной» и «ненормальной». Тон ей задавали иностранные капиталисты, которые «за свою предприимчивость увозят к себе добычу». Местное население они поставили в положение «бедных африканцев». «Только и слышишь жалобы на плохие дела. Крах следует за крахом. Жизнь в городе вздорожала, как в столице. Пролетариат в городе растет... Средний класс быстро нищает, а народ отправляется на фабрики и заводы»,³¹ — подводил автор итоги «золотого нашествия».

В 1898 г. курс журнала снова меняется. На этот раз «Неделя» выступает сторонницей того взгляда, что капитал — космополит и важно не его происхождение, а «употребление его в производительных целях».³² Не возражая против притока капиталов извне, «Неделя», однако, предпочитала поступление их в форме ссуды. Худшим вариантом считала она непосредственные капиталовложения, когда иностранный предприниматель «сам становится хозяином русского предприятия». Но, проводя эту разницу, журнал не высказывал даже косвенного неодобрения по поводу действительного способа поступления иностранных капиталов в Россию, руководствуясь принятым отныне принципом не решать вопрос о пользе или вреде чужих капиталов вообще, а рассматривать каждый случай их приложения отдельно.

Другим ярким примером колебаний, как главной особенности «третьей силы», может служить статья А. Котельникова об иностранных капиталах, помещенная в газете «Русь». Это образец эклектического соединения противоречивых элементов. Будучи того мнения, что как сторонники, так и противники иностранных капиталов «грешат односторонностью» в своей аргументации,

²⁹ «Вся Россия продается, не правда ли?» Золотое нашествие. Неделя, 1897, № 6, 9 февраля, стр. 185.

³⁰ Там же.

³¹ За Европой. Неделя, 1897, № 32, 10 августа, стр. 1011.

³² Иностранные капиталы. Неделя, 1898 г., № 26, 28 июня, стр. 819—820.

Котельников собрался извлечь из их доводов все казавшееся ему верным и найти, таким образом, истину. Этот прием, характерный для мелкого буржуа с его поисками несуществующего третьего пути, закономерно привел его к полной путанице. Котельников признал полезным приток иностранных капиталов, считая, что они ускоряли развитие промышленности и содействовали более быстрой ликвидации покровительственной системы, «столь губительной для всего государства». Но, заявлял он, «нельзя же увлекаться и дорогими услугами иностранных капиталов и отдавать им в полное распоряжение наши естественные богатства».³³ Описав затем примеры хищнического ведения хозяйства иностранным капиталом, который, говорилось в статье, «являлся к нам с исключительной целью не создавать правильно развивающуюся промышленность, а собрать крупные барыши в возможно короткие сроки»,³⁴ Котельников делал вывод, что «если, как и следует, бесполезное хранение естественных богатств в земле признается злом, то еще большим злом следует признать расхищение их, хотя бы во имя промышленного развития».³⁵

Это, впрочем, не мешало ему снова повторить уверения в приемлемости иностранных капиталов, хотя он и признавал, что «сила и независимость каждой страны, а следовательно, и России, в ее культурном росте, в широком развитии в ней просвещения, а не в иностранном завоевании русской промышленности, которое, при современных условиях, обращает местное население в грубую физическую силу, довольствующуюся жалким заработком, а русскую территорию — в мертвую пустыню».³⁶

Окончательно запутавшись в этих неразрешимых противоречиях, Котельников собственноручно засвидетельствовал несостоятельность своей попытки примирить их, предложив подчинить всю деятельность иностранных капиталистов контролю и надзору государства.

Двойственным было также отношение к проблеме иностранных капиталов такого представительного органа народничества, как «Русское богатство». Безоговорочно осуждая протекционистскую систему как одну из главных причин упадка сельского хозяйства и ее защитников в лице «доморощенных капиталистов», журнал готов был принять аргументацию насчет пользы иностранных капиталов. Согласие это было, однако, вынужденным, «...если для нас нужна непременно „дорогая выучка“... если единственный путь для нашего преуспеяния — путь капиталисти-

³³ А. Котельников. Иностранные капиталы. Русь, 1898, № 20, 17 июля, стр. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

ческий, — писал журнал «Русское богатство», давая понять, что, может быть, это и не так, — то действительно, не только наплыв, но и привлечение иностранных капиталов крайне желательны».³⁷

Становясь на эту точку зрения, журнал еще не решал до конца затронутый вопрос. О воздействии прилива иностранных капиталов на положение народа, особенно же рабочего класса, писал журнал, «судить довольно трудно». После всех обличений «доморощенных капиталистов» «Русское богатство» кончало требованием, чтобы «русскому труду было открыто легальное поле для взаимного состязания на почве отечественной промышленности с умелым и хорошо вооруженным противником».³⁸ Это была уже перемена позиции.

Противоречивое в самой своей сущности, третье, мелкобуржуазное, направление, хотя оно и обнаруживало поползновения явиться в роли арбитра в борьбе вокруг иностранных капиталов, было бессильно и не могло оказать серьезного влияния на ее исход. И оно не имело самостоятельного значения на том решительном ее этапе, когда с конца 1898 г. в борьбу вмешались наиболее могущественные группировки русского капитала.

В начале декабря 1898 г. ряд крупнейших московских фирм подал в Московский биржевой комитет записку с обвинениями иностранных владельцев бакинских нефтепромыслов в резком повышении цен на топливо. А так как промышленность Москвы работала по преимуществу на мазуте, то дальнейшее существование Московского промышленного района объявлялось поставленным под угрозу.³⁹

Почти одновременно «Московские ведомости» начинают печатать серию очерков А. П. Липранди (он выступал под псевдонимом А. Волинца) «Иностранцы и наша южная горнопромышленность», бывших как бы завершением всей долгой кампании газеты против иностранного капитала. В них этот признанный представитель наиболее консервативных кругов дворянства, «диких помещиков», всерьез мечтавший о реставрации в России крепостничества, усиленно рекламировал себя в качестве защитника народа от иностранной эксплуатации. Фактически на основе общей вражды к иностранному капиталу между реакционным дворянством и крупной буржуазией Центрального промышленного района с конца 1898 г. возникает своего рода блок. Вызванный особыми обстоятельствами, он отнюдь не исключал острых противоречий между входившими в него разнородными элементами по другим вопросам. Неодинаковы были и конечные цели,

³⁷ О. Б. А. Хроника внутренней жизни. Русское богатство, 1899, № 3, стр. 168.

³⁸ Там же, стр. 171—172.

³⁹ Русский труд, 1898, № 49, 5 декабря, стр. 12—13.

которые преследовались временными союзниками в их совместном наступлении на политику привлечения капиталов из-за границы. Но эти различия держались пока на втором плане.

Наметившееся единство получает между тем дальнейшее развитие в связи с действиями Московского биржевого комитета. 22 января 1899 г., ссылаясь на «заявления промышленного сословия» о возрастающей активности иностранного капитала и стандартно маскируя свои настоящие побуждения заботой о независимости страны, Комитет принял постановление, гласившее: «О вреде русским интересам, наносимом сказанным положением, и опасности, которую представляет дальнейшее расширение проявляющейся деятельности иностранных предприятий в России, представить неотлагательно на усмотрение правительства».⁴⁰

Борьба вокруг иностранных капиталов достигла теперь кульминационного пункта. Принятая резолюция переводила ее из области почти исключительно публицистики на почву открытого столкновения противоположных материальных интересов.

На сторону московских промышленников сразу же встали «Московские ведомости», а позднее «Русский труд». В свою очередь, резко отрицательную позицию в отношении резолюции комитета заняли в лице Скальковского монополистические круги, офицезная «Торгово-промышленная газета»,⁴¹ «Русские ведомости»,⁴² Несколько неожиданно к ним присоединилось «Новое время»,⁴³ не раз предводительствовавшее в походах против иностранных капиталов, с которым немедленно солидаризировались «С.-Петербургские ведомости».⁴⁴

Однако резкое и прямое требование закрыть иностранным капиталам доступ в Россию, исходившее к тому же от верховной организации московских промышленников, имело слишком большое значение и слишком задевало интересы тех капиталистических группировок, которые были теснейшим образом связаны с иностранным капиталом, чтобы дело могло ограничиться одной только газетной полемикой. И действительно, в середине февраля в «Вестнике финансов» была опубликована докладная записка уполномоченных XXIII съезда горнопромышленников Юга об иностранных капиталах, поданная на имя министра финансов. «По нашему мнению, — категорически заявляли ее составители, явно метя в постановление Московского биржевого комитета, — не может быть и речи о каких-то захватах иностранными капи-

⁴⁰ Новое время, 1899, № 8232, 27 января.

⁴¹ Торгово-промышленная газета, 1899, № 23, 29 января, стр. 1.

⁴² Русские ведомости, 1899, № 41, 10 февраля, стр. 1.

⁴³ Новое время, 1899, № 8233, 28 января, стр. 2.

⁴⁴ С.-Петербургские ведомости, 1899, № 28, 29 января, стр. 2.

талистами южной добывающей промышленности, а тем более о вреде их участия в русских горнопромышленных предприятиях».⁴⁵ То был полновесный ответный удар, полученный московскими промышленниками. Наряду с опасением конкуренции со стороны иностранных капиталов одной из причин выступления крупных московских воротил было зависимое положение, в какое горнопромышленники Юга поставили обрабатывающую промышленность Центрального района. Назначая непомерные цены на металл и уголь, они заставляли московских промышленников поступаться частью своих прибылей в пользу возникающих монополий.⁴⁶

Налицо была также зависимость промышленного центра от нефтяных монополий. Понятно поэтому, почему инициатива выступления против иностранного капитала, утвердившегося в горнометаллургической промышленности Юга и нефтяной промышленности Баку, принадлежала московской буржуазии. Петербург, работая на заграничном сырье и топливе, сравнительно мало соприкасался с Югом. Урал в эти годы только еще готовился вступить в конкуренцию с южной металлургией.

Обращает на себя внимание тот факт, что в момент конфликта центра и южного района уральские промышленники воздержались от решительных действий против своего соперника, хотя относились к нему с неменьшей враждебностью, чем в 1896 г. Уже после начала промышленного кризиса А. Матвеев в ежегоднике уполномоченных съезда уральских горнопромышленников обвинил своих южных коллег в том, что те «не обладали... какими-либо знаниями истинных потребностей России в новых металлургических предприятиях, а также знаниями совокупности условий, в которых придется работать впоследствии создаваемыми ими предприятиям, впрочем, — следовало ироническое продолжение, — надо отдать им справедливость, что это для них было, по-видимому, безразлично; и банки, и грюндеры относились совершенно индифферентно к вопросу о судьбе предприятий, их интересовала лишь банковая... сторона дела».⁴⁷

Но и без прямого вмешательства хозяев заводов Урала взаимноисключающие обращения к правительству Московского биржевого комитета и съезда горнопромышленников Юга создавали достаточно напряженную ситуацию.

⁴⁵ Вестник финансов, 1899, № 7, 17 февраля, стр. 302.

⁴⁶ Интересные сведения о борьбе на этой почве между московскими предпринимателями и уже оформившимися «Продуглем» и «Продаметом» можно почерпнуть в книге Д. И. Шполянского «Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX в.» (М., 1953, стр. 119—124).

⁴⁷ А. Матвеев. Железное дело в России в 1899 г. Издание уполномоченных съезда уральских горнопромышленников, б. м. и г., стр. 31—32.

Борясь между собой за максимальные прибыли как московские, так и южные капиталисты одинаково громко требовали официальной поддержки своих своекорыстных устремлений. В этой обстановке Витте решительно встал на сторону Юга, показывая тем самым, что его политика выражала прежде всего интересы монополистических элементов русского капитализма.

В программной речи, произнесенной 1 марта в Комиссии по упорядочению хлебной торговли, он в чрезвычайно резкой форме отверг ходатайство московских капиталистов, хотя оно и не было прямо названо. Витте, во времена которого, как метко заметил И. Озеров, «промышленники сами, можно сказать, законодательствовали»,⁴⁸ теперь, явно адресуясь к авторам московского постановления, обвинял их как противников иностранных капиталов в безудержной страсти к наживе, скрываемой ими под маской заботы о независимости страны. Единственную причину их протестов он видел в желании возможно дольше оставаться за «богатым столом» протекционизма. Высказав этот взгляд, Витте вынес представляемому ими направлению не подлежащий апелляции приговор.

Подобный исход долгой борьбы вокруг иностранных капиталов был определен рядом причин. Царизм, хотя и связанный тысячами нитей с крепостниками-помещиками, выступавшими на этот раз в блоке с крупной буржуазией центра, был лишен возможности последовать их призывам.

Дело, правда, не обошлось без колебаний. В конце 1898 г. и первые недели 1899 г. отчасти под влиянием вел. кн. Александра Михайловича, за которым среди других лиц стоял Шарапов, Николай воспротивился было притоку в Россию новых иностранных капиталов.⁴⁹ Но Витте быстро сумел сломить его сопротивление. В первую половину февраля он представил царю записку Д. И. Менделеева о возможности допущения в Россию иностранных капиталов, а затем и свою собственную. Ее содержание далеко выходит за пределы вопроса, бывшего поводом к ее составлению. В этом важном документе Витте дал общую характеристику экономического положения России и разъяснил свою программу во взаимосвязи составных ее частей. Как лицо вполне компетентное, он констатировал, что «экономические отношения России к Западной Европе вполне сходны с отношениями колониальных стран со своими метрополиями».⁵⁰ Но, заявляя он, Россия «имеет право и силу не хотеть быть вечной данницей

⁴⁸ И. Х. Озеров. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX в. М., 1905, стр. 198.

⁴⁹ Из дневника А. А. Половцова. Красный архив, т. 46, 1931, стр. 119.

⁵⁰ Всеподданнейший доклад министра финансов «О необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы тор-

экономически более развитых государств».⁵¹ Однако единственной возможностью осуществления этого «права» усматривалась им в максимально широком привлечении иностранных капиталов. Сам по себе протекционизм не принес ожидавшихся от него результатов. Он оказался не в состоянии решить «роковую дилемму» быстрого развития промышленности в условиях крайнего недостатка капиталов. Представляя в этой связи иностранный капитал, как единственный способ нейтрализовать пороки протекционизма, грозящего «разорить страну», Витте рисовал беспочвенно оптимистическую картину экономических и политических последствий строительства промышленности за счет иностранных капиталовложений. Последние, по его словам, были «не больше, как семена».⁵² Они, говорилось в записке, «должны в ближайшем будущем породить национальные капиталы» и затем «незаметно раствориться» в них. Изображая эти благоприятные перспективы, Витте, очевидно, впадал в грубый самообман. Равным образом грубым просчетом являлась недооценка политической опасности, вытекавшей из закрепления иностранного капитала в промышленности России.

Тем не менее 16 марта, т. е. уже после того, как Витте произнес свою речь в Комиссии по упорядочению хлебной торговли, записка была одобрена на созванном по его настоянию и проходившем под председательством царя заседании Совета министров.⁵³ Иначе и быть не могло.

Удар по иностранным капиталам неизбежно пришелся бы по промышленникам Юга, горой стоявшим за дальнейшее расширение иностранных капиталовложений. Действовать наперекор интересам этой все возраставшей по своему влиянию группы русской буржуазии, пойти на резкий разрыв с нею, царизм не мог. Другое препятствие возникло в виде созданной денежной реформой постоянной и острой необходимости во всемерном привлечении средств из-за границы, иначе золотую валюту было бы не удержать. Принятие каких-либо мер против иностранных капиталов, среди которых преобладали французские и бельгийские, грозило не только закрыть этот источник получения иностранного золота, но и вызвать внешнеполитические осложнения, в первую очередь ухудшить возможность заключения новых займов во Франции.

Зависимость самодержавия от французского капитала была уже настолько велика, что оно не могло позволить себе ничего,

гово-промышленной политики империи», стр. 4. Хранится в библиотеке ЦГИАЛ.

⁵¹ Там же, стр. 5.

⁵² Там же, стр. 18.

⁵³ Из дневника А. А. Половцова. Красный архив, т. 46, стр. 120.

что вызвало бы неодобрение парижской биржи. К тому же остаться при «нормально» и, само собой разумеется, медленно развивающейся промышленности значило бы уже совершенно безнадежно отстать от своих соперников в завязывавшейся за передел мира схватке. «Международное соперничество не ждет»,⁵⁴ — вскрывал Витте самую суть дела в поданной царю в феврале 1900 г. новой записке об иностранных капиталах, повторявшей в главных чертах предыдущую.

Всякое промедление со строительством промышленности объявлялось Витте «роковой исторической ошибкой».⁵⁵ Дальнейшее существование России как великой державы было прямо поставлено им в зависимость от привлечения средств из-за границы, ибо, повторял он, «необходимый рост нашей крайне отставшей промышленности может совершаться не иначе как при непосредственном содействии иностранных капиталов».⁵⁶ Обосновывая так политику привлечения иностранных капиталов, Витте в духе всей своей хищнической системы совершенно не интересовался той ценой, в какую обойдется строительство промышленности на иностранные капиталы. Он ни в какой мере не считался с теми политическими последствиями, какие должно было иметь установление иностранного господства в важнейших отраслях промышленности. Между тем оборотной стороной избранного им метода форсированного промышленного развития было превращение России в полуколонию западноевропейского империализма. Созданная, таким образом, реальная угроза независимости страны тем более усиливалась вследствие постоянно возрастающей внешней задолженности самодержавия. Совместное действие обоих факторов приближало наступление того момента, на который указывал В. И. Ленин, разъясняя, в какое положение ставили Россию полученные за границей займы, и выявляя конечный результат проводившейся Витте политики: «Хозяйство „великой русской державы“ под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!»⁵⁷

Провал политики Витте, выразившего объективно интересы русского капитализма в самых его современных формах, показывал, что русская буржуазия так и не могла решить проблему развития производительных сил страны.

⁵⁴ Всеподданнейший доклад министра финансов. О положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. Историк-марксист, 1935, № 2/3, стр. 233.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В. И. Ленин. По поводу государственной росписи. Сочинения, т. 5, стр. 307.

Как уже отмечалось прежде, гибельным для страны был также курс, выдвигавшийся противниками иностранных капиталов. В поддержке его объединились во главе с дворянством наиболее реакционные элементы правящего лагеря России. Кампании помещиков против проникновения в Россию капиталов из-за границы следует рассматривать в плане их общей борьбы за сохранение пережитков крепостничества. Прямая заинтересованность дворянства в удержании наиболее отсталых и мучительных форм эксплуатации народных масс была главной причиной того, что сравнительно с Россией «ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые „страдают и от капитализма, и от недостаточного развития капитализма“».⁵⁸

Расценивая капиталистическое развитие России как подрыв своего господства, помещики-дворяне видели в иностранном капитале силу, ускоряющую буржуазное развитие страны. Поэтому они сделали их решительными противниками и целиком руководствовались во всех своих действиях лозунгом возврата к прошлому и восстановления крепостнических порядков. Занимая эти позиции, дворянство солидаризировалось с выступлением московских промышленников, т. е. той частью русской буржуазии, которая, требуя сохранения крайнего протекционизма, значительно затрудняла развитие капитализма в целом. Постановление Московского биржевого комитета было продиктовано желанием крупной буржуазии Центрального промышленного района и в дальнейшем беспрепятственно получать за счет неприкрытого ограбления широких народных масс баснословные прибыли в 30—50%.

Итак, как сторонники, так и противники иностранных капиталов преследовали одинаково корыстные и антинародные цели. Победа любой из сторон ставила Россию в тяжелое положение, грозя ей или застоєм, или постепенной утратой политической независимости. Дворяне в подавляющей массе были давно утратившими функцию организаторов производства эксплуататорами. Они не могли и не хотели быть ничем другим. Буржуазия, в свою очередь, не могла двинуть промышленность вперед, не разрушая своей опорой на иностранный капитал самых основ существования независимого государства. В сложившейся обстановке преодолеть отсталость страны, дать простор росту ее производительных сил мог только пролетариат в ходе совершаемой им социалистической революции.

---

⁵⁸ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3, стр. 527.